

18+

# ДЕТЕКТОР



**Сергей Пименов**

Сергей Пименов

**Детектор**

«Издательские решения»

**Пименов С.**

Детектор / С. Пименов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688481-6

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Будни полиграфолога в действительности — не скучная череда вопросов и ответов, а каждодневный увлекательный творческий процесс с неожиданными сюрпризами. Комплекс современных методов, обеспеченных безотказной техникой, неизбежно раскрывает и доказывает ПРАВДУ как неоспоримый факт, оставляя скептиков без шансов на возражения. Что бы ни происходило в буднях старшего оперуполномоченного УОТМ капитана Запольского, в конце каждого дня спасение от всех напастей он ищет и находит в любви.

ISBN 978-5-00-688481-6

© Пименов С.  
© Издательские решения

# Детектор

Сергей Пименов

© Сергей Пименов, 2025

ISBN 978-5-0068-8481-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора.

В середине буйных девяностых прошлого века много хорошего и разного занесло к нам порывистым западным ветром. Ветром свободы. Свободы от комплексов и запретов, от реальных прав и обязанностей, от устоявшихся традиций и моральных ограничений. Все, чего «им» не было жалко, все, чем «их» распирало до неприличия, хлынуло к нам одновременно. Не принять все это «добро» мы не могли и не умели, принимали без разбору, все подряд, не присматриваясь и не принохаясь. И нас переполнило обилием «свобод и возможностей». Переваживать все это пришлось долго. Местами сформировалось хроническое несварение, кое-что пошло на пользу, а что-то осталось недораспробованным, ибо НЕДОДАЛИ, а где-то напихали до кадыка негоцианты.

«Детекция лжи» одним из неоспоримых благ вошла в широко распахнутые ворота Москвы. И наши начинания в этом деле оказались не хуже импортных, и наши спецы не глупее, а покруче тамошних; и дело как-никак пошло... В декабре нелегкого 1994-го был подписан приказ МВД «Об утверждении инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан». Приказы надо исполнять, и с этим уже, как водится, сложнее...

По воле случая ваш покорный слуга оказался в подходящем месте и в подходящее время, и образование и прочие характеристики по мнению работодателя оказались кстати, а потом... Заинтриговало, закрутило, засосало, порядком взболтало мозги и перегорело в конце концов. Впрочем, вот и вся преамбула. Задуманное мною поначалу не имело ничего общего с беллетристикой, и первые страницы в стиле эссе под рабочим названием «письмо полиграфолога» превратились в дым. Но вскоре восстали из пепла, примерив на себя обличие производственного романа.

Не следует искать в произведении реальных героев из жизни, все события, лица и факты изменены или полностью выдуманы. Единственным достоверным и правдивым персонажем во всех своих имманентных проявлениях предстает перед читателем полиграф, или детектор лжи.

1.

В аудитории НИИ, середину первых трех рядов парт заняли двенадцать человек: один младший лейтенант, шестеро лейтенантов, трое старших лейтенантов, один капитан и один майор; две девушки, остальные мужского пола. Присутствующие, по одному, представляли свои областные подразделения УОТМ; Тверское и Рязанское прислали по два человека. Все в штатском, как и положено работникам Управления Оперативно Технических Мероприятий, но накануне все успели познакомиться и уже знали друг о друге не только имена и звания...

Через открытые фрамуги шумела Авиамоторная, Москва готовила для молодых офицеров вечерние маршруты по достопримечательностям и барам. В аудитории, весьма значительно подернутой ветхостью, угловатые солнечные блики пытались оживить побледневшие портреты советских конструкторов от Ростислава Алексеева до Александра Яковлева, разве-

шанные в алфавитном порядке по периметру стен. Кто-то успел протереть пыль со столешниц, но в шкафах под стеклом среди пожелтевших книг и папок царило многолетнее запустение...

По каким-то причинам заместитель начальника УОТМ города Москвы полковник милиции Корин предстал перед курсантами в форме со всеми знаками отличия, впрочем, он не замедлил с банальным объяснением: «не успел переодеться после совещания в главке». Корин делал несколько шагов вглубь между рядами столов и возвращался обратно, разминая кисти рук, массируя пальцы. Несмотря на свои под шестьдесят, он выглядел молодцом, что и демонстрировал всячески аудитории; то разминочно двигал плечами, то поднимался на носки ботинок, то потягивал шею спортивным движением единоборца.

– Итак... Фактор психофизиологических особенностей испытуемого лица в концепции проведение полиграфного опроса! Тема не простая, чтобы правильно к ней подойти, давайте подытожим то, что вы вынесли из предыдущих двух часов с Владимиром Николаевичем... Суть логической конструкции полиграфного опроса! Все, что рассмотрим дальше, неразрывно с этим связано и подчиняется одной общей цели – умению выяснить истину при помощи простых и понятных вопросов.

В паузах Корин смотрел на кого-либо из слушателей и мило улыбался, словно читал в его глазах сокровенные мысли.

– Заслуженный наш, Полковник Лунин на предыдущем занятии подробно, лучше любых учебников довел до вас все, на сегодняшний день, утвержденные способы и методы полиграфного тестирования, и разобрал с вами, во всей красе, первую часть – метод прямого тестирования. – Полковник вопросительно пробежал взглядом по головам, будто ожидая возражений сказанному. – Углубляться!.. по этому поводу вы будете продолжать с ним же и с другими моими коллегами, со мной же вы рассмотрите эти вопросы с позиции психофизиологических исследований и психологии людей различных возрастов, социальных прослоек и прочих, так скажем, градаций. Итак! Подытожим пройденное... Три основных метода тестирования, три кита! Прямое тестирование, не прямое и поисковое! Может быть через год появится что-то новое, мы не стоим на месте, но, думается, что эти три основных формулировки останутся незыблемыми. Поправьте меня, если с чем не согласны... Значит... В прямом тесте! мы предъявляем испытуемому прямые вопросы о причастности к преступлению или о совершении преступления. Предложения в тестах начинаются со слов: вы знаете? Вы совершали? Вы видели? Вам известно? А именно, к примеру: вы совершали убийство гражданина «К»? Вы причастны к убийству гражданина «К»? Вы знаете, кто убил гражданина «К»? Вы знакомы с убийцей гражданина «К» и так далее. Вопросы формулируются в зависимости от оперативных данных следствия и чередуются с контрольными вопросами, которые, в свою очередь, для непричастного! человека являются более значимыми, более волнующими. Контрольные – это вопросы общего характера, не имеющие прямого отношения к делу, но имеющие отношение ко всем окружающим нас людям – человекам. Вы когда-либо причиняли умышленно боль другому человеку? Вы могли бы убить человека, защищая свою жизнь? Вам нравится смотреть сцены насилия в кино? Ну, и множество других подобных вопросов. Страх ответственности и наказания за совершенное преступление всегда! сильнее боязни того, что тебя заподозрят в общечеловеческих грехах и слабостях, на том и основана эффективность прямого тестирования. Все так? Все согласны?

Всем хватило дискуссий и споров по пройденному материалу с полковником Луниным, потому вопрос Корина сначала отозвался лишь волной невнятных вздохов. Но, выждав паузу, лектор, все же дождался:

– Простите, но все же, всегда сильнее, или только тогда, когда мы имеем дело с нормальным, адекватным человеком?

– Хороший вопрос. – Отвечал Корин. – Во-первых, именно это и много чего подобного мы будем рассматривать на моих занятиях. Во-вторых, – и полковник направил указательный палец прямо в курсанта, задавшего вопрос, – нужно представляться, когда задаете вопрос.

– Запольский! – Исправился возникший из центра.

– Курсант Запольский. – Добавил вполголоса Корин. – Садитесь уже, если больше ничего не имеете. Итак, дальше... Непрямые тесты... Каждый не прямой тест содержит один единственный вопрос, который инициатор мероприятия гарантирует как значимый. Самое простое: есть достоверная информация, что гражданина «К» убили ударом по голове хрустальной вазой... В тесте, соответственно, перечисляются различные предметы, как то: утюг, бутылка, кирпич, гантели; и только причастному человеку доподлинно известно, что орудием убийства была эта прекрасная ваза. С розочками. На том и стоим. Правильно, курсант Запольский?

– Так точно! – Прозвучало в ответ, и приподнялась голова курсанта.

– Садитесь, не прыгайте. И, наконец, поисковые тесты... Поисковым тестом мы ищем! Ищем, ищем, ищем, пока не находим то, что ищем. Здесь все просто, формируем в каждом тесте соразмерные друг другу вопросы и идем от общего к частному. Кого мы имеем право опрашивать, в каком состоянии, в каком возрасте, и тд и тп, это вы все, надеюсь, записали и усвоили, теперь... Теперь мы задумаемся, каким же образом предъявляемые нами вопросы могут видоизменяться в зависимости от характера личности испытуемого. А заодно, решим – а вдруг, это зависит и от нашего с вами характера? Ка вы думаете?

– Хороший вопрос. – Опять прозвучал уже знакомый голос.

Полковник не спеша подошел к курсанту, остановившись позади него.

– Хороший вопрос... – напевно повторил он, – вот мы с коллегами и поможем вам разобраться во всех этих вопросах, все изучим, все опробуем, всех проверим, почистим ауру при необходимости...

Последняя фраза подняла шумок непонимания, а больше всех опешил Запольский, почувствовав мягкую руку Корина в своих волосах.

– Не бойся. – Говорил Корин. – Выпрями спинку... Нормально... Почистим...

Курсанты, будущие полиграфологи постепенно поняли, что не только полковник Лунин был заслуженным и всеми уважаемым специалистом; весь коллектив сотрудников группы ЭПОС и приходящие педагоги в различных чинах, все как на подбор были профессионалами высочайшего уровня. Иногда проявлялось ревностное отношение их друг к другу, что прибавляло занимательности атмосфере занятий и являлось причиной неконтролируемых творческих всплесков в их светлых головах. Споры между преподавателями и курсантами, бурные дискуссии между обучающимися, а также, столкновения мнений самих преподавателей возникали постоянно и свидетельствовали об активном и непрерывном становлении и совершенствовании всего комплекса вопросов детекции лжи. Не всегда эти споры приводили к согласию, но по главным моментам консенсус достигался неизбежно: московский ЭПОС – лучший образец среди всех аналогов детекторов, а тем более, основного конкурента – краснодарского Барьера...

Максим Запольский с удовольствием вспоминал этих людей, сделанных из одного теста, вспоминал и теперь, пытаясь сосредоточиться на текущем...

«Опять бытовуха... За что мне это? – размышлял он, рассматривая очередную жертву правосудия в кресле напротив, обмотанную проводами датчиков. – Работают же люди в столице – позавидуешь! Убийство журналиста, теракт, ограбление инкассаторов, покушение на депутата Госдумы! Да...»

– Ну да ладно, вернемся к нашим баранам. – Произнес он вслух.

– Чего? – Выразил непонимание пациент, нахмутив взгляд.

– А я, уж, думал, что вы уснули... Не обращайтесь внимания, это я фигурально. Есть такое литературное выражение.

– Ага. – Мрачно отвечал мужчина, демонстрируя презрение.

– Так вам полегчало, или еще таблеточку? – Спрашивал Макс, показывая на пачку анальгина.

– Говорю же: бес-по-лез-но! Две ночи спать не давали! Не выйдет у нас ничего, начальник.

– Какой я вам начальник? Отнеситесь ко мне как к доктору, и все у нас получится. Вы же ни в чем не виноваты, правильно? Правильно. А то, что вам, как вы говорите, двигаться больно – так это еще и лучше. Буду с вами абсолютно откровенен: чем меньше движений, тем чище показания полиграфа. Так что, можете считать, что попали не просто к доктору, а к доктору по знакомству. Доброму и чуткому. Ну, что, поехали?

– Ну, не знаю... – замялся пациент, – сердце колотится. От бессонницы. Не помешает вам? О! – и выгнулся боком вперед, – Как между ребер стреляет! Отбили сволочи все внутренности.

«Да... – думал Макс, – только начну тестировать – будешь извиваться как уж на сковородке! А ведь, у тебя на физиономии и так уже все написано, приятель... Все ты врешь! И ничего у тебя не болит, потому как, Антон моим рекомендациям следует в точности – никто тебя, пока, пальцем не трогал...»

– Так! – Продолжал он, откинувшись на спинку стула. – Аркадий Петрович! Поймите, сейчас у вас есть шанс доказать всем, что вы действительно ни при чем. Вас за тем сюда и привели, чтобы в последствие не тратить с вами время, когда настоящий преступник где-то гуляет. Или вы сомневаетесь в возможностях полиграфа? А, может, в моей квалификации?

Мужчина хмыкнул в сторону...

– А вы, что думаете, я каждые выходные прихожу на полиграфе посидеть? Я эту фигню впервые вижу, откуда мне знать: можно ей доверять, или нет. Вы говорите, что не будете прямых вопросов задавать: я, или не я, убивал – не убивал... Час от часу не легче! Какие-то дурацкие вопросы выдумали, а я – сиди как лох и отвечай всякую ерунду! И чего вы там накрутите – откуда мне знать! С чего я должен вам доверять? Добрый доктор! Все вы добрые! Ага!

– Ладно! – Вдруг объявил капитан Запольский и шумно отодвинулся от стола в сторону пристенного шкафа. Считайте, что уговорили! Я серьезно... Думаю так же, что переносить нашу встречу – тоже не целесообразно, так как ваши опекуны – Макс указал в сторону двери – вряд ли приведут вас ко мне в следующий раз более подготовленным. Скорее – наоборот... Будете хромать, стонать и кашлять. А мне это надо? Нет уж!

Не долго думая, Макс включил смекалку, не выключая, при этом, аппарата, лишь сделав вид, что детектор его больше не волнует.

– Ну, что же? Пошлем заказчику отчет о проделанной работе? Причем – чистую правду... Пациент не в состоянии... Вы же не в состоянии? Ну да... Аппаратура подтверждает физическое недомогание и неудовлетворяющее полиграфному опросу самочувствие. И так далее. Значит так... – Макс вовсе отвернулся от клиента и стал хлопать дверцами шкафа. – Сидите себе тихо, создаем видимость работы, а я, пока, подготовлюсь к встрече следующего пациента. Датчики не снимайте; мы, как-бы работаем, если что.

Мужчина в кресле замер в нерешительности, смекая, в чем подвох, но стал дышать свободнее, а за тем, явно, расслабился.

Не спеша, капитан доставал из шкафа по одному металлические предметы. Первым на стол упал сверкающий никелем десантный стропорез.

– Не представляете, чем только не режут человека его друзья и недруги, кровные враги и ближайшие родственники. – Сочиняя экспромтом всякую чушь, Макс краем опытного глаза посматривал в сторону компьютерного экрана.

Через несколько секунд после стропореза на столе оказалась небольшая саперная лопатка, заточенная как бритва.

– Не поверите: вот этой штуковиной однажды снесли две головы за один вечер...

За лопаткой на столе появилась стамеска для работы по дереву, потом о стамеску звякнул длинный столовый нож...

– Во! Старший братик вот этим тесаком родную сестренку!.. Да, Аркадий Петрович, все эти железяки когда-то служили орудиями кровавых преступлений... Как и вот этот невзрачный перочинный ножичек... Это же сколько раз нужно было воткнуть его в тело, чтобы здоровенный мужик испустил дух! – Максиму было достаточно мгновения, чтобы заметить полный букет четкой и продолжительной реакции в графике монитора.

Завершением настольного металлопредставления, спустя все те же несколько секунд, выступил плотницкий топорик, не вызвавший никаких изменений на экране. Реакция на перочинный ножик медленно, но показательно затухала, лишь линия верхнего дыхания продолжала выдавать красивые океанские волны.

– Так, ладно... – Макс выравнивал железки по одному краю. – Далее... Составим небольшой список в продолжение темы. Чем, спрашивается, в походных условиях можно воспользоваться, чтобы смыть кровь с орудия убийства? Аркадий Петрович, вы меня не слушайте, можете вздремнуть, в самом деле, минут десять. – И, выдернув из пачки чистой листок бумаги, стал записывать, перечисляя вслух: – Вода! Может быть? Может. Что еще? Бензин! Может? Ну конечно. Дальше... Растворитель! Нет, какой к черту растворитель на пикнике? Алкоголь! Ну да, водка. Конечно. Далее... Парфюмерия! Нет, вряд ли... Ну, а скажем – жидкость для разведения огня?

График линий датчиков, уже не выглядел так скучно, как в начале разговора, кривая тремора вообще судорожно зашкаливала, но при упоминании жидкости для разведения огня полиграф снова оценил реакцию организма клиента однозначно! Тот стал догадываться, что его дурачат и без спроса начал снимать с себя клеммы и липучки.

– Отстегните! – Требовал Аркадий Петрович, показывая себе за спину. – На хрен! Хватит сидеть тут... – Пытаясь самостоятельно справиться с застегками датчиков дыхания, он что-то еще невнятно и недовольно выговаривал.

– Ну-ну! Аркадий Петрович! Хватит – так хватит! Как угодно. Начальник за стенкой, туалет напротив, может водички? Чаю не предлагаю, вижу – спешите...

Антон появился, словно подслушивал у замочной скважины...

– Ну, что, все?

– Антон Иванович! Товарищ старший лейтенант! – Возмутился Макс. – Вы не находите, что еще маловато времени прошло?

– Ну! Ну! Извиняюсь! Ну, все, да?

– Все! – Отвечал Макс. – Забирай. Опрос окончен.

В дверях появился помощник старлея и увел арестанта из кабинета. Антон, как обычно, нетерпеливо потирал руки и, ничего не говоря, заглядывал в глаза Максиму то с одной, то с другой стороны.

– Что? – Спокойно спросил Макс, передвигая на столе предметы и бумаги.

– Да, ничего... Жду. Покорно жду. – отвечал старший лейтенант, не скрывая предвкушения успеха. Старший лейтенант Донцов за время их знакомства успел достаточно изучить Макса Запольского, чтобы с полувзгляда оценить ситуацию.

– Короче так... Сядь уже. – Максим, наконец, и сам уселся в свое кресло, доставая сигарету. Не торопясь, испытывая терпение Антона, он закурил и продолжил:

– Во-первых, пациент не идет на сотрудничество, симулируя страдания, якобы причиненные вашими бойцами. Во – вторых... Мы можем утверждать, что товарищу известно, что убивали именно этим вот ножичком. В-третьих, он, наверняка, знает, чем смывали кровь с ору-

дия убийства. Это все. Впрочем, нам больше и нечего было предъявить. Если выяснится, что у убитого что-то пропало, или... В общем, что-то еще для обоснования доказательной базы, тогда заходите еще. Ну, ты сам все знаешь.

– Ну вот! Все в ажуре... – Антон довольно пожимал руку Макс. – С меня причитается. Бумагу когда?.. Может быть...

– Ничего не в ажуре. Это не опрос. Опроса не было и нормального отчета не жди. А бумагу завтра, Антон. Ты сегодня третий... Сам в управу привезу. – Отвечал усталый капитан.

\*\*\*

С Антоном Макс, тогда еще старший лейтенант, познакомился, когда полиграф в районном УОТМ был еще чист и свеж как девственница, и не держал еще в сети своих датчиков ни воров, ни убийц, ни безвинно оклеветанных. В начале рабочего дня Донцов ворвался вихрем с горящими глазами и поразил своим любопытством и напористостью. И во всех последующих эпизодах Запольского изумляла его деловая хватка.

Не успев представиться, Антон с легкостью переходил на личные темы и вел себя как старый добрый друг. Как-то он признался: «Я же у тебя, фактически, был первым! Это важно. Это в любом деле важно. Я чуток поболее твоего в УВД, поверь, кое-что понял... Здесь, как нигде – если ты не первый, то вообще не понятно какой, и что тебе достанется! В этой жизни надо все успевать по максимуму и раньше других – и будет тебе счастье.

В этом и был весь Донцов, опер отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Надо признать, первое же их совместное дело было, весьма интересным... По – началу, Запольскому показалось, что Донцов явился с коллегой или своей подругой, больно дружескими и двусмысленными были их обмена колкостями. Женщина, на пятюк лет постарше своего сопровождающего выражала совершенное спокойствие, и даже определенный оптимизм, выслушивая Запольского в преддверии полиграфной процедуры. С легким румянцем она запросто отвечала на все с понимающим согласием; очевидно, что в том была заслуга Антона. Между тем, Людмила Яковлевна Ковалькова, ведущий бухгалтер СП Алексеевское, одного из совместных предприятий по обработке алмазов, оказалась дамой, по меньшей мере, не простой. Все во внешности пациентки было немножко чересчур... Запольский перечислял себе по пунктам: «Ярковат костюмчик, не светофор, но все же... Чуть больше чем нужно макияжа... Чуть глубже приличного декольте, да и юбка коротковата – не по возрасту, излишне эмоциональны жесты – компенсируют неподвижность лица; бережет от первых морщин... Внешность неординарная, мужиков по – проще, да всякую интеллигенцию, такие отпугивают, а более уверенных, наглых, перспективных, должно быть, привлекают... Такие держат подбородок всегда выше обычного – это придает взгляду уверенности и положение «с высока». Неплохо образованная, правильно оценивающая свою незаурядную внешность, занимающая значимую должность, немного испорченная профессиональной близостью к деньгам, она смело и прямо смотрела в глаза собеседника, испуская ядовитые либидные стрелы, изучая и прошу-пывая оппонента. У таких все должно быть под контролем, и самые коварные из них готовы к любым неожиданным ситуациям. Макс, в свою очередь, не сомневался, что любой человек, всего-то тридцати с небольшим плюсом лет, не зависимо от пола и положения, в априори уязвим и слаб в определенных местах, как бы хорошо не маскировались эти места всякого рода лицедейством; аккуратно взломать, при необходимости, эту защиту не составляет труда. Угнездившись в кресле полиграфа, Людмила Яковлевна не сразу заподозрила это обстоятельства и вела себя по началу излишне расковано.

Максим, был в меру любезен и безупречно тактичен. Волнение первого рабочего дня не могло быть не замеченным гражданкой Ковальковой; легкая дрожь в пальцах предательски выдавала Макса на первых тестах. Пациентка не могла знать, что у оператора это первый про-

фессиональный опыт, и он верно рассудил: «пусть думает, что произвела на меня умопомрачительное впечатление, такая игра не повредит...»

Запольскому нужно было выяснить ее причастность к утратам алмазных полуфабрикатов в филиале бриллиантовой фабрики. Систематические пропажи, исчисляемые сотнями тысяч рублей ежеквартально, не могли происходить без участия должностных лиц, и первым из них в кабинете полиграфных исследований оказалась бухгалтер Ковалькова, не нашедшая, или не пожелавшая искать повода увильнуть от полиграфа. Мероприятие, инициированное основным акционером объединения, и согласованное на самом высоком уровне, должно было стать показательным.

После теста с серией банальных вопросов, знакомых всем по экранизированным детективам, убедившись в правильности настройки оборудования, Запольский преступил к прямому тестированию.

– Я буду задавать вам вопросы, на которые вы всегда будете отвечать коротким словом «нет». В случае, если ответом на вопрос по вашему мнению должен быть положительным, то мы исключим этот вопрос из списка. Для этого все вопросы из предстоящего теста мы предварительно проговорим и обсудим. Хорошо? – Запольский оформил сказанное самой добродушной улыбкой, лишенной всякой иронии, и Ковалькова, естественно, согласилась.

– Как мило, надо же! Конечно, давайте свои вопросы. – Произнесла она, пытаясь ответить такой же улыбкой.

– Итак, прозвучат следующие вопросы: вы когда-либо подделывали бухгалтерские документы с целью незаконного присвоения денежных средств? Вы причастны к пропаже алмазов на СП «Алексеевском»? Вы когда-либо совершали экономические преступления? Вам известно кто выносил алмазы с производства? Вы считаете для себя допустимым незаконное обогащение? Вам известно, где сейчас находятся пропавшие алмазы? Вы когда-либо присваивали что-то из чужого имущества? Вам известно, каким образом выносили алмазы с производства? Ну, вот и весь список теста. Есть ли среди данных вопросов что-то вызывающее сомнение? Повторю, что вы на все вопросы будете отвечать отрицательно, и для того, чтобы ответ прозвучал логично и правдиво, вы должны заранее сказать, что и почему в этом списке вы не готовы отрицать. В общем, все просто, Людмила Яковлевна. Вы когда-либо совершали экономические преступления?

Людмила, не моргнув глазом, выдала:

– А вы когда-либо встречали бухгалтера, которого его начальник не просил, или не заставлял выкрутиться из сложной ситуации? Везде и у всех возникают проблемы с налогами, или с ошибками... Хотя бы обычными ошибками в делопроизводстве. А попробуйте не угодить своему работодателю! Как вы думаете...

– Вы говорите о руководстве в СП «Алексеевское»? – Уточнил Запольский.

Людмиле пришлось сделать неприятную для нее паузу, она будто отвлеклась, поправляя складки юбки:

– Да, нет, здесь, пока, слава богу, все в порядке.

– Хорошо, Людмила, мы поправим этот вопрос, он будет звучать так: вы совершали экономические преступления на СП «Алексеевском»? Так?

– Ну, давайте. – Подтвердила она. И ничего, вроде бы, не изменилось в ее поведении, но как-будто в интонации прозвучало легкое разочарование... Словно она почувствовала неискренность в обходительности молодого человека напротив.

Оговорив последовательно все по порядку, с некоторой потерей приветливости диалога, остальные вопросы оставили без изменений. При этом, условились мысленно похоронить и не вспоминать грехи детства и отрочества, типа воровства в огороде у соседей или присвоения книг из школьной библиотеки.

Все было впервые, и вполне объяснимый мандраж в теле полиграфолога унялся лишь к третьему предъявлению теста.

В каждом предъявлении, как и положено, вопросы теста менялись местами, а Ковалькова произносила свои «нет» будто подчеркивая вынужденное смирение норовистого характера. При этом, ее спокойствию можно было завидовать.

Тест номер один определенно показывал ее непричастность к пропажам бриллиантов. В то же время, реакция на контрольные вопросы о бухгалтерских злоупотреблениях показала Запольскому чересчур сильной. «Теоретически, в общем это нормально, все так и должно быть, – думал он, но интуиция подталкивала не расслабляться. На минуту Макс вышел из комнаты.

– Антон, ты ничего не забыл мне рассказать про нее?

– Что?

– Что, совсем ничего? За ней может быть какой-то криминал по бухгалтерии.

– Блин, ну... Ну, да! На ЖБИ\* работала главбухом, была крупная растрата, чуть срок не получила. Ну, извини, не подумал, думал – не важно это... Да... Полиграфа тогда не было, получила бы по-полной, а так, даже условного не схватила. Думаю, что денег там она себе хапнула подходяще и отделалась легким испугом.

– Ну, тогда все ясно. – ответил Макс и исчез за дверью.

Старые грехи Ковальковой Максима не интересовали, но объяснили красочность реакции на контрольные вопросы прямого теста.

Макс решил не отменять серию поисковых тестов, и добросовестно проработать темы о знании причастных к кражам лиц, знание способа выноса бриллиантов из СП, и тему знания места нахождения краденных камней. Но... прямолинейные рассуждения Людмилы Яковлевны практически лишили смысла задуманное:

– Да, что тут гадать, все воруют. Все растят эти камешки при первом удобном случае. У всех рыльце в пушку, а потому, предложи кому дельце покрупнее, не знаю, кто откажется. Вон, Татаркин, к примеру, откажется? Сомневаюсь! Или Кучеровского хотя бы возьмите... Спросите у Антоши, он вам расскажет. С виду только божие угодники, все они тут такие, убедил его, что все шито – крыто, да только дай!

Секунду Людмила Яковлевна выдержала паузу, слегка поменяла позу:

– Что вы молчите? Смотрите так... Откуда я знаю? А я не знаю, я эту братию чувствую. Хотите проверьте на этом своем, – и повела глазами на компьютер Запольского, – не знаю я ничего...

– Ну, допустим. – Поддержал Макс немного порозовевшую Ковалькову, заглянув в список возможных фигурантов. – Все же, Татаркин с Кучеровским просто огранщики, а такую партию, даже частями, трудно умыкнуть без участия старших смены, или кого-то из охраны...

Ковалькова не сдержала невольный смешок:

– Конечно! Само собой, это понятно и без вашего следствия... товарищи офицеры. – Добавила она с несколько нахальным прищуром.

– Ну, и вы, стало быть, кого-то определенно подозреваете? – прямо спросил Запольский. – Можете назвать фамилии?

– Конечно могу. – Не раздумывая ответила Ковалькова. – Скажу, что не могу – а ваш полиграф покажет, что вру, а мне это надо? Мне с ними детей не крестить... Знать не знаю, а вижу, если не насквозь, то не меньше других. Я бы думала про самого Смолина! Или другого, Саша Хлест. А, что? Да, я так думаю.

– Ну, так, может вы и по другим обстоятельствам предложите свои идеи? Чтобы, не дай бог, наш полиграф не показал чего-нибудь не того.

– Каким обстоятельствам? – Подняла бровки Людмила.

– Ну, каким? Как, каким образом могли вынести бриллианты, где они сейчас могут быть.  
– Понятия не могу иметь. – Выговорила Людмила четко, спокойно, немного наклонившись, чтобы было лучше слышно приставшему милиционеру.

Запольский хлопнул себе по ноге, твердо определившись с дальнейшими действиями.

– Людмила Яковлевна, Чаю хотите? С конфетами. Шоколадными. Может быть, кофе?  
Ковалькова осторожно, чтобы не повредить положению датчиков на пальцах, потерла за ушком, как-будто размышляя, к чему бы это отступление, и кокетливо отозвалась:

– Да нет, спасибо. Разве что, ресторан... Раз у меня с вами выходной, гулять, так гулять... Немного сконфуженный Запольский спрятался за широкой улыбкой.

– Хорошо, Людмила, я подумаю об этом, но сегодня выходной только у вас, и пока я могу развлечь вас только вот этим...

– Да, так себе развлечение. – Лениво вздохнула Ковалькова.

– Итак... – Макс постарался всем своим видом вернуться и вернуть собеседницу на рабочий лад. – Для отчистки совести, мы все же, проведем с вами еще три небольших теста и на этом, наверное, покончим. А чтобы вас не смущала формулировка вопросов и логика ваших ответов, на вопросы вы будете отвечать не односложно, а так, как вам удобнее. Условимся, что вы можете ответить «нет», можете ответить «да», можете ответить «может быть», или «не знаю». – Почему Запольский совершил этот странный, с формальной точки зрения, поворот, противоречащий простым алгоритмам полиграфной методики, вряд ли он сам ответил бы себе сиюминутно, но внутренне он был убежден в правильности своего, казалось бы, спонтанного решения, а в ближайшей перспективе уже сложилась картинка продолжения этой истории. Ковалькова окончательно поверила в то, что очаровала полиграфолога своим неотразимым шармом и, поддерживая себя в грации модели, выглядела совершенным примером испытуемого на полиграфе. Макс не был склонен слепо доверять интуиции, но сохраняя контроль над ситуацией, чувствовал себя абсолютно уверенно. Завтра или в другой день старший лейтенант Донцов приведет к нему по очереди тех, кого сумеет привести и, в конце концов, в этом кабинете найдутся ответы на все вопросы: кто, как, когда, где и сколько; он найдет эти алмазы, где бы они не оказались при помощи простых, но точных и выверенных поисковых тестов. Примерно так и развивались события, вдохнувшие некоторые изменения в жизнедеятельности СП Алексеевское.

Гражданка Ковалькова покидала кабинет Запольского ничуть не уставшая и не утратившая ни грамма достоинства; ей с Донцовым было вполне уютно пересечься в дверном проходе; Антон что-то невнятно промурлыкал ей в плечико, а та, пикантно дернув его за галстук, негромко, но, явно, для всех ответила: «Будешь должен!»

– А че! – Оправдывался Донцов, проводив гражданку Ковалькову до ее Нивы цвета мокрый асфальт. – Ну, да... Ну, я не буду всего рассказывать, Максим, лады? Не, я с ней не сплю, не подумай, просто это особенные отношения... – На этом Антон задумался, улыбаясь и ища в глазах Запольского понимания.

– А мне интересно, ты зачем ее привел?

– Что, не она? – Не особо пытался скрыть притворство Антон. – Не причастна?

– А ты не знал? Не причастна.

Кого следующего приведешь? Если не знаешь, веди начальника охраны Смолина, а потом друга его Александра Хлеста. Есть еще пара кандидатур.

Макс подробно передал Донцову содержание беседы с гражданкой Ковальковой, тот ревниво подергивая шеей, искренне возмущался:

– Вот коза, а мне ничего не сказала... Ладно...

– Антон, она отыграла как отличница! И нашим и вашим, и себя не обидела. Деловая... Ваша контора, говорит, пакостей не делает? А то, чего доброго, пустите слух, что Люда наступала тут на всех. Ну, я сказал, конечно, что мы не такие... Так что ты там...

– Да, о чем ты, Макс, таких людей надо ценить и беречь... Ну, ты же понимаешь...

– Ну, да, примерно так прекрасные дамы становятся лучшими сексотами. А, ты знаешь, что я понял, Антон...

– Наверное, что Людмила ворует по старой схеме, шаманит что-то в бух-учете, и сдались ей эти бриллианты?

– Это само собой, и, если хочешь, можем нарыть тут тебе на поощрение от начальства без особого труда, но я не об этом. А о том, что кража, по сути своей, идеальное преступление для использования полиграфа. Вот, ты как добиваешься от человека его признания, как находишь улики, доказательства, то, что пропало, что украли, спрятали где-то?

– Как, как? Знаешь ли, по-всякому, Максим, как тебя по батюшки? Все тебе расскажи! Всего и не расскажешь... По – всякому приходится.

– Вот, вот. И не всегда получается. И когда знаешь, кто украл, а как доказать? Ты молодец, Антон, твой энтузиазм радует, все, что я говорил тебе по телефону, кажется, усвоил. Так, вот, когда имеем дело с поиском чего-либо вещественного, имеющего ценность, важность и тд и тп, как говорил один хороший человек, повторю главное – сохраняешь пациента в максимальном спокойствии и расслабленности. Мы, конечно, в любом случае вынем из него всю информацию, но чем более он будет уверен в своей неуязвимости, в своей безнаказанности, тем легче и быстрее мы выясним у него все, что нам нужно! Спокойно, тихо и нежно. Да, Антон? Понимаешь, да?

– Ты, не сомневайся, Максим. – Убедительно кивал Донцов. – Я тебе больше скажу... Сейчас наша Люда вернется на фабрику, и завтра, сначала бабы все, потом и вся фабрика будут говорить о том, что полиграф – это фигня, и нечего его бояться, и ребята там работают – просто душки. Сечешь? Всех пропустим, кого надо.

\*\*\*

Должно быть, тактика старшего лейтенанта Донцова сработала, и общественный испуг угрозы полиграфной проверки развеялся, а появились признаки другой предвзятости – боишься, значит есть чего бояться, а не боишься, покажи, что ты не трусливее Людмилы Ковальковой. К концу следующего дня Антон стоял на пороге конспиративной одноэтажки с вышеупомянутым гражданином Татаркиным.

– Антон до конца рабочего дня полчаса, вообще-то!

– Максим, какой рабочий день, ты что? Это же верняк стопроцентный!

– С чего ты взял, Люда напела?

– Не, не Люда. – Донцов сморщился, показывая, что Ковалькова ему уже совсем не интересна. – Мало что ли кругом людей, желающих соседу всякого... доброго. Короче... Я же не просто так, с подозрениями какими-то, смотри... Для этих, как их тестов... Ну? Не поисковых, а...

– Непрямых?

– Да! Ес! Ес, точно! Дружок сдал корефана с потрохами. В общем, Дима Татаркин за прошлый год вынес около десятка осколков по ноль – ноль два, ноль – ноль три карата! Что? Что ты плечами жмешь, между прочем, это стеклышки примерно по 2 миллиметра. Не мусор, я тебе скажу. А такое количество значит, что не только то, что сам нарастил! Знаешь, как они ныкают? Кто-то осколок роняет, весь цех останавливается, ну, или отсек, по крайней мере, и ищут пока не найдут. А, не найдут, так тот, кто потерял – выплачивает потом. Ага. А находят не всегда. А какой-то ловкий парень находит, прячет куда подальше, а потом присваивает.

– Понятно. А вот скажи, «все растят, все растят,» что действительно, можно легко нарастить камень? – Живо интересовался Запольский.

– Ну, я же тебе говорил, – с удовольствием объяснял Антон, переходя на таинственный полутон с шепотком, – есть отходы, которые сортируют поштучно, а есть мусор алмазный, пыль другим словом. Ее по весу сдают, тут намутить не сложно, на то она и пыль, тут есть погрешность... На реальную пыль, на какую-то ошибку... И я тебе скажу, этой же погрешностью и сами управляющие пользуются. А что, в масштабах производства это не с одного стола, да? Да, тут все друг друга покрывают. И на эту мелочь все глаза закрывают; нарастит этот огранщик себе осколочек за месяц, так он своим горбом его отработает с лихвой! А когда у него такого песочка на руках с карат— другой, они входят во вкус, так что, там можно чего и поболее у него поискать. Я его завтра за жопу возьму, он на меня всю жизнь работать будет! А не будет, так пойдет вон с волчьим билетом. Ну, ладно, дружище, не буду тебя лишним грузить, давай по этому кренделю...

Оказалось, что кроме информации о наличии у Татаркина десятка осколков, ничего существенного более того не имелось. Доброжелатель Дмитрия Татаркина пересказал Антону рассказы подвыпившего приятеля, только и всего, но убежденность Донцова в надежности наводки, почему-то была абсолютной.

– Окей, Антон, – согласился в итоге Макс, – у нас всего одна тема и одно направление, отработаем быстро, только ты, все же, перепутал существенный момент... Это будут не непрямые тесты, а поисковые. Непрямой, в нашем случае может быть тест на тему «кому, ты, Татаркин, рассказал об украденных тобой бриллиантах?» О! И тогда в тесте с перечислениями фамилий мы бы поставили фамилию твоего стукачка, он прореагировал бы на эту фамилию, и в итоге, не прямо, а посредством данного обстоятельства мы узнали бы, что он действительно признался своему лучшему, в кавычках, другу в своем грехе. Фэрштэен, Антон? Так работает не прямой тест. Но, ты же не хочешь сдавать своего стукачка, потому, мы просто ищем, где лежит это накопленное богатство, эти на горе наращенные несколько несчастных осколков. Ты же уверен, что они где-то у него лежат? Тогда вперед!

Как и представлял себе Макс, поиск украденного на полиграфе – просто милое дело, чуть ли не упражнение в качестве развлечения. Испытуемый, в целом, вел себя спокойно, подвижностью отличалась только часть его выше плеч; он вертел кудрявой головой, которая время от времени въезжала в белый воротничок рубашки и выезжала из него, иногда пытаясь повернуться градусов примерно на сто, крупные черты лица, острый нос, напоминающий орлиный клюв, придавали таким движениям нечто птичье. Запольский с интересом рассматривал его необычную внешность, пока вел подготовительную беседу. Не могли остаться незамеченными странные огромные часы на руке пациента, Макс показалось, что он слышит, как они тикают...

– Думаю, что часы придется снять... – сказал он, собираясь объяснить причину, но не успел; Татаркин сделал быстрое и ловкое движение, и необычный хронометр уже лежал на краю стола.

– Мой будильник. – Произнес он, зачем-то кивая. – Хобби. – Добавил он, улыбаясь и снова втягивая голову. – Собираю старинные, редкие часики... Починяю... Оживляю...

– Ну, хорошо, – похвалил его Макс, – а это у вас... – Макс хотел подобрать корректное слово вместо «нервное», но Татаркин в миг сообразил, о чем речь:

– А! Это помогает... Чтобы шея не затекала. Знаете, дома с часами, на работе с алмазами, надо чаще глазами моргать и шеей двигать. Привычка.

Макс отметил излишнюю разговорчивость Дмитрия Татаркина, противоестественную данной ситуации, но не без удовольствия выслушивал про его хобби, а также про увлечение карточными фокусами и любовь к классической музыке.

– А Антон говорил, что вы тоже можете угадать, какую я карту загадаю. Да? Правда?

Запольский неприятно удивился откровениями коллеги, но не подал вида.

– Вы имеете ввиду, что при помощи полиграфа я могу вычислить выбранную вами карту? Ну, может быть... Только, думаю, что мы обойдемся без этих детских игр, мы же не за этим здесь собрались...

Что-то подсказывало Максиму, что с этим шустрым малым нужно быть не менее шустрым оператором, и мероприятие не стоит нагромождать антуражем лишних формальностей.

– Время уже позднее, раньше начнем, раньше закончим, Дмитрий, так?

– Ага! – Согласился тот, вытягивая шею больше обычного, словно принимая изготовку. – Раньше сядем, раньше выйдем. – и засмеялся как-то вовнутрь себя.

Не успел опомниться испытуемый Татаркин, как оператор за своим ноутбуком выяснил все, что ему было нужно. Не то, чтобы все прошло гладко; Запольский так и не смог объяснить себе, почему так сильна была реакция на первый, бросовый вопрос. Фраза «вы уже избавились от украденных осколков» должна была, как и положено, снимать отражение первой случайной рефлексии, и, Макс обязательно отработал бы и это направление, если бы не явно выраженная реакция на другие, совершенно определенные места поиска. По очереди поисковыми тестами Максим выяснил, что украденные осколки хранятся не где-либо, а именно в квартире Татаркина, в которой он постоянно проживает, а перечислены были еще квартира бывшей жены, квартира подруги, дача, гараж и схрон где-то на природе, что искомое находится не на кухне, не на балконе, не в коридоре, не в спальне, не в зале, а именно в туалете. Ну, а в туалете среди перечисленных мест явно выделился вопрос о сливном бачке.

Предложение Запольского уточнить количество осколков, или наличие более ценных камней Донцовым было впопыхах отвергнуто, тому не терпелось бежать, найти, взять в руки... Максиму показалось, что Антон в собачьем азарте полез бы не только в сливной бачок, но и – куда глубже. Без спроса, он схватил трубку телефона в кабинете Запольского и позвонил своему напарнику:

– Леня, возьми у Стаса золотой ключик и жди меня у Юноны. Какой, какой! Ты тупой совсем? Да. Да. Есть. Сейчас подъеду, расскажу. Кто там у нас сейчас без дела? Надо с Татаркиным посидеть двадцать минут. Хорошо, предупреди его, чтоб никуда пока.

Положив трубку, Антон заискивающе прятал глаза.

– Я правильно понимаю, Антоха, золотой ключик...

– Ну, блин, Максим, а как еще... Это же для дела. Не через балкон же лезть. А вдруг, там ничего! Не, я почему-то в тебе уверен, но на всякий случай... Заглянем, увидим, все тихо, а потом этого в камеру, и – можно за ордером. Максим! – На этом Антон поднял Кулак испански. – Но пасаран! За мной не заржавеет.

При чем тут «но пасаран?» – Подумал Макс, мысленно уже улетев далеко из кабинета.

Но, самое интересное было чуть позже...

– Да! – С досадой поднял трубку Запольский, только закончивший с отчетом по прошедшему опросу, уже с ключом от замка в руке.

– Максим, это я! – Прозвенел веселый голос Донцова. – Хочешь посмеяться?

– Не может быть! – У Максима что-то опустилось внутри при мысли, что вся красота на экране полиграфа сегодня оказалась бессмыслицей.

– Не спеши посыпать голову пеплом, полиграфолог? Прикинь шутку момента – залезаю, блин в этот бачок, а там коробочка, не знаю от чего такая, пластмассовая, с кирпич, такая! Думаю, блин, ну все, золото – бриллианты! Открываю коробочку, а там гранаты! Сечешь, Макс? Гранаты! Лимонки, две штуки, и еще пакетик с наркотой! Грамм так десять – пятнадцать. Ну кадр, да? Работы на три отдела!

– Ну, а алмазы что?

– Не! Нету. Ну, да ладно, все очень даже не впустую...

– А не может быть, что ты, просто не досмотрел на радости? – Высказал Макс первое, что пришло на ум.

В ответ – подозрительное молчание... Молчание сменилось мычанием...

– Да ну! Ты что... Намекаешь, что я мог чухнуться?

– И в мыслях не было. – Честно признался Макс, и они сменили тему.

Наконец, Максиму стали понятны странные всплески полиграфного графика на вопросах о фактическом избавлении от алмазных осколков; они, действительно, давно отсутствовали и не волновали Татаркина.

Да, подобные метаморфозы определенно придавали работе Запольского задорного настроения, но, являясь, по сути, следствием недоработки на рабочем этапе, впоследствии, практически не случались.

## 2.

Сидя друг напротив друга на измятой постели, слегка соприкоснувшись коленями, они выпускали по очереди сизые струи дыма в потолок.

– Мне так не нравится, что ты куришь, но тебе так идет сигарета! – Говорил Макс.

– Хочешь, брошу? Но, после тебя...

– Ты слишком во многом берешь с меня пример.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Марина.

– Ну... Ты так же, как и я до ночи пропадаешь на работе... Так же, как и я ссоришься с начальством. Еще... Предпочитаешь красное белому... А еще – быть сверху в любых ситуациях... Разве нет?

– А еще – так же, как и ты не говорю про любовь, про будущее и про... – Марина замолчала, а Макс вопросительно взглянув, слегка тряхнул ее за плечи. И она продолжила:

– Я хотела сказать – про детей, но... Я же провожу с ними дни напролет в школе. – Быстро проговорила она и выпрыгнула из постели. – Кофе будешь?

– Да, конечно.

За работающим без звука телевизором, Максим продолжил нечаянно затронутую тему:

– Я не боюсь ответственности...

– Я знаю. – Перебила его Марина, давая понять, что сейчас не желает говорить об этом.

– Я хочу сказать, что в чем-то я слишком сильно ощущаю эту чертову ответственность!

И это не дает мне необходимой свободы...

– Я знаю. – Повторила Марина.

– Понимаешь, я уверен, что полиграфу вот-вот развяжут руки... Что направление получит необходимые полномочия. – Макс явно лукавил, говоря об уверенности. – Ты не представляешь, что тогда начнется... А кто здесь, если не я, возглавит, или точнее – вдохновит, так сказать, процесс, это же не столица, понимаешь? А так хочется быть на волне, когда забурлит это болото!

– Я понимаю. – Проговорила Марина еле слышно...

Разглядывая кофейную гущу, они какое-то время молчали... Она заговорила первой:

– Нет, мне все же интересно, это ваше «болото»... Ты думаешь, оно забурлит завтра? Нет? Может быть после завтра? Может быть через месяц там все запузырится? Или через Год? Извини, но ты лучше меня знаешь, что если что-то и поменяется в вашей конторе, то не в ближайшем десятилетии. А я, так думаю, что – не в этой жизни.

Макс ничего не ответил. Она была права. А он не был готов к тому, что разговор об их отношениях может, наконец, зайти дальше обычного и поверхностного, и без шуток и намеков. Диалог дальше не складывался...

– Завтра зайдешь? – Спросила Марина.

– Не знаю, Маринка. Вообще-то, думал к Мазуру съездить. Давно обещал. Не обижаешься?

Закрыв глаза, она помахала головой из стороны в сторону, что означало: «ну, целуй, уже, и проваливай».

Был ли он против брака? Он сам не раз задавал себе этот вопрос. Нет. Нет! Часто бывало, что перед сном, уплывая в мечтах на несколько лет вперед, он так отчетливо представлял личико их будущего ребенка! Это, почему-то, была девочка... И в груди зарождалось приятно щемящее душу тепло, помогающее после тяжелого дня уснуть с улыбкой. Ему казалось в такие минуты, что все в его жизни происходит ради этого маленького ангела и его матери, такой чистой и нежной, как на церковных иконах, и такой необыкновенно притягивающей и сексуальной, как-будто впитавшей в себя все смыслы бытия. Божественный свет исходил от этих видений, но с упорным постоянством утро нового дня заливало своим светом все, что привиделось и о чем мечталось.

Ощущая себя вполне самодостаточным почти во всем, Макс никогда и ни в чем никому не завидовал и благодарил за это бога... Однако... Нечто похожее на зависть могли возбудить в нем те счастливые люди, некоторые из его одноклассников, или даже абсолютно чужие лица, которые в свои тридцать смело делили себя на части, размножаясь и продолжаясь таким образом в своих очаровательных дочках и сыновьях, дополняя свое существование абсолютным смыслом. Вот так просто, берут и следуют логики жизни: женятся, растят детей и все прочее решительно отодвигают на второй план. Вот идет такой Петров Ваня по залитой солнцем площади Ленина, за одну руку держит румяного пятилетнего Василия Петровича, за другую держит его неугомонная и распрекрасная Лизавета Петровна, младше Василия на четверть часа; и провожает их самодостаточный Запольский жадным до такого счастья взглядом и чувствует себя со своей самодостаточностью совершенно неполноценным.

И вроде бы все ясно как белый день, вот оно; ничего не нужно изобретать! Вот он – путь к нормальному человеческому счастью, но в конце каждого дня с сожалением можно было констатировать: «я не продвинулся ни на шаг».

А полиграф... Или проще говоря, детектор лжи, появился в милиции совсем недавно... Вот, только что. Не прошло и пары лет. Он едва успел удивить пользователей своей эффективностью. Оставаясь диковинкой для основной массы ведомственной структуры, для другой части – для полиграфологов, для людей посвященных он оказался, скорее, забавной игрушкой, чем чудом техники. Конечно, если бы... Если бы он занимал достойное место в правоохранительной системе, если бы был более рационально в нее интегрирован... В таком случае он представлялся Запольскому панацеей в борьбе со всеми человеческими злодеяниями.

Именно Максуду довелось, образно говоря, оседлать этого полудикого коня в чертогах областного УВД. Выращенный в дебрях научно-исследовательских институтов страны на специальные нужды, московский конек получился не менее резвый, чем заграничные, но, в условиях насквозь коррумпированной организации на мустанга не тянул, а тянул, едва, на «конька – горбунка». В своем окружении Максуду совершенно не с кем было это обсуждать. Иногда выдавался случай пообщаться с заезжими коллегами из Москвы... А, порой, он сам наведывался в сердце Родины, и мог найти понимание среди специалистов и разработчиков оборудования. Но что могла дать эта редкая возможность выговориться? Можно было содействовать улуч-

шению полиграфных программ и усовершенствованию непосредственно методики тестирования, но место полиграфа в системе и правила функционирования в ней – врожденный и, казалось, неисправимый дефект. Лезть через голову с рацпредложениями уровня министерской компетенции – дело не благодарное. Лезть с такими заявками в системе УВД – дело гиблое, ну а пытаться пробивать это в провинциальном УВД – утопия полная. Каких перемен можно ожидать в отрасли полиграфных исследований в данных условиях, и что должно к ним привести – было большим и безнадежным вопросом.

Размышляя об этом, Максим спрашивал себя: «Если перспективы столь призрачны, что же меня удерживает в этих невеселых стенах, и сколько еще я буду испытывать на прочность чувства любимой женщины, терпящей возле себя приходящего иногда переночевать трудоголика? Всякий раз, начиная день с надеждой перевернуть мир своим полиграфом и заканчивая его с легким чувством тошноты от очередной поножовщины, всплывал вопрос: «На кой мне все это, ведь я могу зарабатывать чем угодно!?» Но снова и снова подстегивала творческая ненасытность, появлялись новые идеи и нетрадиционные подходы в тестировании и в работе с инициаторами полиграфных опросов, с опытом приходило понимание многих скрытых проблем этого новомодного средства дознания, и это понимание свербило в мозгу, не находя поддержки извне.

«Да, пожалуй, нигде я не испытывал такого удовлетворения от работы: ни школа, ни промышленный дизайн, ни театр, ничто не давало такой моральной отдачи!»

...Преподавание в школе – тернии воспитания детских душ – тот еще экстрим, тем более в качестве руководителя классом коррекции – сборища особо одаренных, в кавычках, и просто неуправляемых оглоедов! Чтобы выжить в этом филиале ада больше года, нужно самому вырасти в спартанских условиях, закаляться в боевых действиях, и при этом приходиться в класс чувствуя себя Макаренко. Ну, или ходить в школу не как на работу, а как некоторые коллеги предпенсионного возраста – как к себе домой, где в перерывах между чаепитиями и традиционными сплетнями на полном автомате распылять над головами чужих детей быстро растворяющиеся облака прописных истин. Не по Сеньке была та шапка, и привелось примерить следующую – дизайнера-конструктора промышленного оборудования – звучно, модно, многообещающе. И интересно в той же степени, в какой может быть интересно любое иностранное ноу-хау на старом совдеповском пространстве. Еще за месяц до появления Запольского, завод прекрасно обходился без этой штатной единицы в строю конструкторского бюро, а тут ему и отдельный кабинет и ставку по первой категории. Мало того, по причине весьма туманного представления в номенклатурных мозгах о направлении и целях деятельности художника и конструктора в одном лице, по первости пошли от противного, и ждали от самого новоиспеченного розмысла генерации творческих идей. Идеями молодой дизайнер беден не был, а вот возможности заскорюзлого инертного производства заставляли желать большего. Стены личного кабинета быстро заполнились перспективными проектами. Преобразуя отходы листовой нержавеющей стали в оригинальные ложки и вилки, Запольский ожидал появления на свет первого тестомеса, первой коптильни и электропечи своего дизайна. Ждать оставалось, по его расчетам всего-то пару лет. «Глазом не моргнешь!» – смеялся начальник бюро. «Ни хрена себе!» – Подумал Максим и снова, как говорится, переделся, найдя приют под крышей камерного театра.

Прекрасны и удивительны были дни служения Мельпомене. Рекламные полотна, сооружение и росписи декораций, увлекательные выкрутасы бутафории... Все это превращало его в увлеченного любимым занятием ребенка. А когда с затаенным дыханием наблюдаешь из мрака зрительского зала за сценическими прогонами и репетициями, кажется, что жизнь почти удалась! А какова радость премьеры! Да... Почти удалась... Но покровительство музыки драмы и комедии исчерпывалось, практически полностью, лишь духовным и эстетическим воз-

награждением. А так многого еще хотелось успеть и осилить, не испытывая при этом острого дефицита хлеба насущного!

В поисках творческой профессии, приносящей не только моральное удовлетворение, Запольский опробовал целый ряд интересных профессий и освоил множество художественных ремесел, но только полиграф сумел зацепить его накрепко! И Макс понял, что краски, глина и металл не могут сравниться с таким поделочным материалом, как сущность человеческая, и нет ничего увлекательнее души подследственного, трепещущей в его похолодевших пятках.

Не многим это дано судьбой; приходили на ум убедительные аналогии... У кого-то в подчинении батальон, а за спиной страна, а у кого-то в руках хирургический скальпель, и он держит в руке чужое сердце... А у меня в руках полиграф, и эта штука дает те же эмоции! Наверное... Спасая человека от тюрьмы, или помогая свершиться возмездию за совершенное зло, взамен получаешь абсолютную уверенность в оправдании своего существования. Это дорогого стоит! Что? Что не так? – Максим в очередной раз копался в сознании как в походном рюкзаке... – Ну, конечно... Была бы возможность раскручивать дела посерьезнее, ловить рыбку покрупнее! Так не дают же! А всю, вот эту мелочевку, и без меня есть кому перелопатить! Так что же тогда, все к черту? Опять в искусство, в чистое творчество! Но надо понимать – назад дороги не будет, назад в эту контору возвращаются только свои, а я тут гость случайный... С другой стороны, семья и дети – это тоже не шуточное мероприятие, ко многому обязывающее, и в этой связи, нормированные рабочие дни и нормированные праздники на гражданке – совсем не лишние вещи...»

«А может быть эта несовместимость – семья и служба – плод моего подсознания? Может быть, нужно, просто сделать решительный шаг? Успевают же некоторые и детей вырастить и мир спасти... Тогда „не боюсь ответственности“ – это пустой звук. Опа! Так, Запольский, ты действительно в тупике, или просто тупишь от переработки? Тебя бы да под твои же датчики, да попытать как следует... А, не сознательно ли ты противопоставляешь свою работу и серьезные отношения с Мариной? Точно, вся эта муть от лукавого... Ей-то совершенно все равно, откуда я возвращаюсь, и она-то, как раз, понимает, что ответственность не аккумулируется только на работе; если человек ответственен, то ответственен везде и в любое время суток.»

Подобные размышления утомляли и все усложняли. Окунуться в семейную жизнь Максим боялся, как и миллионы ему подобных самцов, находящих оправдание в древних, в общем-то, не русских традициях: стань на ноги, обеспечить необходимый достаток, потом все остальное. Паршивость такого подхода при ближайшем рассмотрении была очевидна и все чаще заставляла чувствовать себя козлом по отношению к любимой. С этой мыслью он снова и снова решался на взрослый поступок, но замирал в ожидании какого-то последнего божественного пинка.

Спустя год в подразделении полиграфных исследований их было уже трое. Макс был немало удивлен, застав вернувшегося с обучения Александра Винокурова в состоянии несвойственного ему возбуждения...

– Ты не представляешь, на сколько все стало круче! Программа просто улет, все лучше! Все легче! Столько новых возможностей!

– Да ладно! – Включил скепсис Запольский. – Теперь датчики напрямую к мозгу?

– Seriously, не преувеличивая, новая версия – это не шутка, сам увидишь.

– Ну и как день прошел, всех на чистую воду вывел?

Кроме обновленной программы от научно-исследовательского подразделения «Группы ЭПОС» в кабинете появилась еще и камера Панасоник на штативе. Александр закопался в распечатках полиграмм и тестов, и с воодушевлением шуршал ими, сравнивая ленту с графиками на экране.

– Трех сегодня сделал. Как детей. – Хвастал Винокуров. – С одним только какие-то терки непонятные. Сейчас покажу. Вот, смотри. По прямым по нулям, по поисковым, вроде бы тоже, а по непрямым на значимые вопросы – то есть, то нет. Фигня какая-то.

Со слов Александра, действительно, странно... Обычно бывает наоборот, если реакция на прямые вопросы присутствует, то есть человек считает себя виновным или причастным, а на детали преступления не реагирует, то это можно объяснить или плохо подготовленными прямыми тестами, или еще не выясненными обстоятельствами причастности. Если же человек не причастен к преступлению, то откуда может взяться реакция на знание обстоятельств, известных только преступникам?

Рассмотрев результаты тестирования, Максим увидел, что реакция, хотя и несильно выраженная и нестабильная, присутствовала на все значимые вопросы.

– Слушай, раз ты теперь вооружился камерой, давай глянем, как это было. – Предложил Макс.

Александр с готовностью, шустро перемотал кассету, подключил кинокамеру к монитору, и на экране появился тщедушный очкарик с глазами запуганного кролика. За кадром голос Винокурова четко и равномерно чередовал вопросы. По завершении теста Макс нажал на кнопку «стоп» и погладил камеру как кошку по загривку.

– Классная штука, надо будет одолжить на выходные.

– Как же! В очередь, Максим Леонидович. В выходные Укротин уже подсуетился, у него там то ли свадьба, то ли похороны...

– Ладно, фиг с ней, Шура, ты лучше скажи, кто тебя учил так тесты предъявлять? Какого лешего ты во всех значимых вопросах повышаешь голос? Сам не слышишь, что ли?

– Что! Где? – Александр опять быстро возобновил прокрученную запись. Слившись с экраном, он держал голову двумя руками, опершись на стол. Тест закончился.

– Бляха! Точно.

– Во-во. – Согласился Максим.

– Не, ну, и что, ты думаешь, что это может так уж повлиять?

– Ну, во-первых, ты выделяешь значимый вопрос – это факт, а во-вторых, другого объяснения вроде бы нет.

– Не знаю, не уверен я. – Продолжал сомневаться Александр.

– А ты бы для уверенности еще его пырнул на значимом вопросе! Чем-нибудь остреньким. Вообще, все было бы тип – топ. Да, Санек, хорошая вещь – камера, кроме всего прочего и свои косяки можно увидеть.

С тех пор Максим также, не упускал возможности использовать видеозапись на своих опросах, хотя чудо-техника европейского производства была только одна на троих, не считая жаждущих поснимать домашнее видео сослуживцев.

### 3.

Ковровая дорожка, ведущая к столу начальника, должна была смягчать шаги подчиненных и делать приближающихся к трону более тихими, скромными и менее значительными. Замысел работал, и для того, чтобы жутко занятый начальник тебе заметил, подойдя к столу принято было гыкнуть, сморгнуть или кашлянуть. Странное дело! Почему бы просто не поздороваться, заявив о себе тоном и голосом, идентифицирующим тебя среди прочих сотрудников? Дело в том, что служащие Управления оперативно-технических мероприятий, приходились, практически, все, как один, сватами, шуринами, деверями, сестрами и прочими свояками кому-то из хороших знакомых или высокопоставленных соратников командира, и привыкли к обращению «по-свойски», в какой-то степени – по-домашнему. По-свойски получали премии и взыскания и боялись гнева начальника, как строгого, но заботливого главы семьи, делающего

одолжение своим покровительством. Все чувствовали себя обязанными и связанными какой-то общей тайной. Это и накладывало на уставные взаимоотношения своеобразный пикантный отпечаток. Что касается Запольского, так его занесло в данное подразделение по причине острой служебной необходимости; его буквально выгудили в городской типографии как специалиста, на тот момент, по особым технологиям производства документов. Не являясь приятелем или родственником ни одному из начальников областного УВД, Запольский имел привычку заходить к шефу также, как он заходил и в другие двери, на прямых ногах, и докладывал о прибытии, едва ступал на красный коврик.

– Я от тебя нервный тик заработаю. – Подполковник Бабаев на секунду скорчил недовольную физиономию. – Заходи! Начну с хорошего... – Начал Бабаев, соорудив лицевыми мышцами некое подобие благосклонности. – Начальник ОБЭП ходатайствует об объявлении тебе очередной благодарности. О премии я поднимал вопрос, ответ был отрицательный. Было сказано: «Запольский и так тянет копейку за копейкой... То обучение, то еще что... Командировки по три раза в месяц...»

– Виноват... – хотел, было, пошутить Макс.

– Ладно. – Перебил начальник. – Что хорошо, то хорошо... А где ты виноват я сейчас скажу. – Достав из ящика отпечатанные листы, он бросил их на стол. – Что это такое?

Пожав плечами, Запольский отвечал:

– Может это не совсем по форме, но, учитывая ситуацию, сделано все возможное. Это и отражено в отчете...

– Максим Леонидович! Объясняю, если не понятно! Учитывая ситуацию, нужно было отправить их назад с этой пьяной проституткой! Пусть работают с людьми как положено и не приводят кого попало в непонятно каком состоянии. Не твое дело расхлебывать их проблемы! Ты думаешь, я не знаю, как все должно проходить? Тут не хочешь – узнаешь. Сколько меня уже торкали за твою вот такую писанину! Раз за разом ты что-то выкидываешь! Что нельзя было просто отписать, что опрос невозможен и сослаться на нужную строчку в правилах? Что на той неделе, что в том месяце... Мужики из особо тяжких уже и сами не рады, что к нам обратились.

– Да, все нормально, товарищ подполковник. Но, видите ли, убойники, о которых идет речь, приходят, как правило не за истиной, а за результатом, который нужен им, а это не одно и то же....

– Истина... Тить твою! Ладно! Они не специалисты... Должен понимать! Разберемся... Только я последний китайский раз говорю... – при этом Бабаев излишне громко стучал маркером по столу, – не надо мне никакой вот этой лирики, когда-нибудь попадешь так, что мало не покажется! Есть придуманные правила, есть аппарат, тесты такие, как прописано в этих правилах... Делай все как положено; с твоей головой далеко пойдешь!

– Алексей Саньч, по правилам далеко не пройдешь... А вы какие правила имеете ввиду?

Взволнованный подполковник с размаху бросил маркер на стол и, поднявшись, наклонился ближе к подчиненному.

– Ты думаешь тебя тут некем заменить? Да я вообще сомневаюсь, что ты так хорошо справляешься! Думаешь, мне не докладывают про то, как ты там ведешь дела? Что положено делать то и то, а ты ни черта не выполняешь? Что опросы в одиночку проводишь, без ассистента, что по времени не укладываешься? Что, нужно, что ли, людей по полдня там мурыжить?

– Я думаю, что этим людям, за которых вы переживаете, у меня в кабинете не хуже, чем в камере... – пытался оправдаться Макс.

– Не надо думать! А кто разрешает по ночам открывать помещение и опросы проводить? Заводишь особые отношения с отдельными шибко шустрыми операми? Смотри, это может закончиться в один момент и очень горько! Они же тебя под монастырь и подведут. А почему

не проводишь демонстративные тесты? Очень хороший психолог? На психолога люди специально учатся, между прочим!

– Вообще-то, мне в Пединституте очень неплохо преподавали курс психологии и я, мамой клянусь, ни разу не прогулял... А какие тесты, товарищ подполковник? – Не понял Запольский.

– Какие! Элементарные. С картами, с фантами, какие там... Клиент должен убедиться, что машину не обмануть! Загадывает карту, ты определяешь... Что слабо? Слабо, так и скажи, а то пишешь всякую ерунду...

– Вот вы про что! – Успокоился Макс. – Ну, товарищ подполковник, сами посудите... Я нахожу ему эту задуманную карту, он убеждается, что полиграф не обманешь. И что? Зачем же ему вступать в борьбу с тем, что показало очевидное превосходство? Виновный человек откажется от опроса и – до свидания!

Пока Бабаев думал, что ответить, в кабинет постучали, и вошел капитан Шилов, исполняющий кроме должностных обязанностей роль адъютанта его превосходительства – товарища подполковника.

– Шилов! – Окликнул того немного оттаявший Бабаев. – Поручаю тебе проверить капитана Запольского на профессиональную пригодность. Пойдешь к нему, пусть докажет, что может справиться с демонстративным тестом! Не обманешь полиграф – уволю.

Вошедший не сообразил, должен ли соглашаться с заданием, или тупо улыбаться шутке, и замер с открытым ртом возле угла стола.

– Если честно, Максим, – продолжал подполковник, лично я, по большому счету, не верю в особую эффективность этой штуки, все-таки основную работу выполняют следаки и опера. Ну, помогаем в какой-то степени...

– Ну, как-же, Алексей Саныч, два года работаем, мало было показательных результатов?

– Ну ладно... Ну, что, правда полиграф указывает на карту? Это же не то, что может как-то волновать...

– По тому и выглядит убедительно. Ну и, конечно, не полиграф укажет, а оператор. Полиграф – лишь инструмент...

– Ерунда, думаю. – Отмахнулся начальник.

– Нет, позвольте, Алексей Саныч! Не то, чтобы – дело чести, но... Хотите убедиться?

– Ну! – Отвечал Бабаев. – Мне еще играть... Делать больше нечего, забот невпроворот.

– Алексей Саныч, карты есть?

– Что? Максим, что ты хочешь? Давай, ладно, за работу!

– Да, я просто хочу продемонстрировать принцип работы полиграфа и закрыть возникший вопрос. Если после этого у вас останутся сомнения, можете списать меня с вашего корабля ко всем чертям.

– Ну! Что у тебя полиграф в кармане? Что ты хочешь?

– Карты есть? – Не унимался Запольский.

Бабаев дотянулся до одного из ящичков стенки и, достав слегка замасленную колоду карт, бросил на стол.

– Ну?

– Саш, – обратился Максим к Шилову, – можно тебя на минутку? Возьми из колоды десяток карт. Я отвернусь, а вы с шефом выберете одну и запомните ее.

Подполковник нервно ерзал в кресле.

– Максим, некогда забавляться!

– Карту запомнили?

– Запомнили. – Отвечал нахохлившийся командир.

– Руку дайте. – Попросил Макс, подставляя стул к креслу начальника.

Усевшись рядом, он взял шефа за руку и положил пальцы на запястье.

– Шилов, возьми эти десять карт и показывай нам по одной. Я буду говорить, когда показывать следующую. Ну, что... Пульс как у космонавта.

– Чего?

– Все нормально. Не дергайтесь, товарищ подполковник. Показывай, Сашка... Туз червей... Следующую. Валет виной...

Шилов дважды перебрал десяток карт, после чего Запольский встал, убрав на место стул.

– Ну, что, фокусник, сдуся? – С сарказмом ухмылялся подполковник.

Это незамысловатое упражнение было в ходу у полиграфологов, хотя, далеко не всем давалось.

Взяв карты, макс спокойно разложил их на столе в ряд и выдвинул к шефу десятку бубен.

– Хорошая карта. Говорят, к деньгам.

В молчаливой паузе Бабаев бросил хитрый взгляд на Шилова. Тот внезапно усмотрел что-то интересное на потолке.

– Вот, черт! – Не сдержался подполковник. Угадал-таки!

– Никакой случайности, Алексей Саньч. Чистая физиология. Элементарный демонстративный тест. Впрочем, полиграф с этим тоже неплохо справляется.

#### 4.

Сквозь сон Максим услышал звонок. «Телефон?» Звонок повторился спустя минуту. Запольский окончательно проснулся, поняв, что звонят в дверь. «Я убью его когда-нибудь!» – подумал Макс, не сомневаясь, что за дверью снова Донцов. И не ошибся.

– Максим, это опять я. Я же обещал пригласить тебя на рыбалку... Шучу. На «поработать». Выручай.

– Слушай, может тебе ключ от квартиры дать, чтобы ты соседей не будил? – не скрывая недовольства спросил зевающий Запольский.

Не учитывая ситуации, можно было подумать, что Антон пьян. Покрасневшие глаза его и переизбыток одеколона, маскирующего запах пота, говорили о важности ночного визита.

– Слушай, такое дело...

– Антон... – Перебил Макс, выходя на площадку подъезда. – А чего ты не женишься?

Старлей на секунду замялся, потом хитро улыбнулся и погрозил скрюченным пальцем.

– А-а! Понимаю... Ну, Максим... Какая нормальная баба меня выдержит. Ты, вон, и то холостой... Да? Короче... Давай-ка, не затягивая, зарулим в кабачок, я угощаю... Расскажу много интересного о своей жизни! Ну и вообще... Посидим – в кое-то веке!

– Кабачок ты уже обещал, как и рыбалку. – Отвечал Макс. – Ну, чего у тебя опять?

Антон чуть не засыпал на ходу. Сжато и еле слышно он излагал факты:

– В машине человек... Из банды Сотника. Кликуха – Борт. Короче, завтра придется отпускать. Нет ничего на него. Но есть стопроцентная наводка, что обладает информацией по пропаже людей Малька. Саша Малек – помнишь такого... Тренер по боксу.

– А ты почему опять этим занимаешься? Ты ОБЭП или кто?

– Ну... Максим! Ты же знаешь, как все у нас переплетается... – Антон явно не хотел вдаваться в подробности.

– А задание от кого?

– Максим... Задания нет. Но, упускать нельзя. Мы ему сказали, что проведем опрос, без рукоприкладства, с применением детектора, и что все останется между нами. Он согласился.

Глаза Антона поблескивали легким безумием.

– Ты охренел!? – Единственное, что мог ответить Запольский.

– Погоди. – Пытался Антон остудить возмущение Макса. – Ну, давай заведем, хотя бы, в кабинет, просто пообщаемся, ты сам посмотришь... Увидишь, что можно по-тихому все про-

вести, и все останутся при своих интересах. А я его потом прижму, и он в жизнь никому ничего не скажет! Надо брать, пока тепленький! Смотри; он говорит, что не знает никого ни из группировки Сотника, и мальковских не знает. Дальше; утверждает, что не имеет понятия о том, что случилось с пропавшими, и кто, вообще, пропал. А мы точно знаем, что именно он поехал с Сотником и еще трем на разборку, после чего их не было нигде до утра. Сечешь? И по времени все совпадает. Есть еще моменты...

– Постой. – Макс говорил слегка постукивая кулаком в грудь Антона. – У меня в управе был опять разговор... При случае какого-то залета у меня просто заберут ключи от базы. Кстати, со дня на день приставят кого-то из старых пердунов, должно быть, он и будет заниматься всем администрированием. Честно говоря, с радостью свалю с себя лишнюю заботу!

– Так, надо воспользоваться, пока есть возможность?

– Ты издеваешься?!

– Не. У меня... Ты правильно тогда заметил... Как там, в умной книжке... Когда до цели, кажется, что рукой подать, и без нее никак... А вокруг ничего не видишь... И бежишь напролом... Амок? Вот-вот.

Антон медленно присел на ступеньку лестницы. Походя на загнанную лошадь, он вызывал жалость. Подняв глаза на Макса, он помахивал головой в знак согласия с доводами капитана. Максим облокотился на перила, склонившись над Донцовым.

– Что, никак нельзя продлить задержание? Ну, что ж вы так?

– А мы продлим. – Продолжал устало улыбающийся старлей. – Вот проведешь опрос, найдешь, где зарыли ребят Малька, и будет и продление и все, что хочешь. Ну?

– А я тебе скажу на полном серьезе... Во-первых: ты уверен, что ваша информация стоцентная, а у меня нет такой уверенности. Во-вторых: товарищ сейчас согласен, а через полчаса – раз! И не согласен. И что? А завтра выйдет, и начнется кипишь!

– А мы его... – Угрюмо пошутил опер, проведя ногтем по горлу.

– Обхохочешься!

– Есть еще вариант. Я открываю ему весь расклад. Палю осведомителя – не жалко, говорю, что нам известно, не конкретизируя, только, чтобы поверил. Дальше – гарантирую, что продлеваем задержание еще на семьдесят два часа со всеми вытекающими... Если согласится, то – пойдет до конца. Ну? Ваше слово, товарищ маузер. Максим!

– Жениться тебе надо. – Отвечал в задумчивости Макс.

Антон ухмыльнулся и толкнул Макса плечом.

– Большой вопрос, полагаю?

– Да, брошу вас всех... Пойду на покой.

– Мемуары писать? – Съязвил Донцов.

– Да, какие мемуары? Подамся куда-нибудь на легкий труд. После ментовки – любая работа – покой.

– Думаешь? Не верю. Не верю, что тебе не в кайф твоя работа, дружище. Я-то вижу, как у тебя глаза горят, когда ты свой аппарат заводишь... Как швейную машинку... И вышиваешь не по-детски. Мы неделями пашем, жопа в мыле, а ты – хопа! И дело сшито.

– Хорошо складываешь... Ладно! Пошел одеваться, а ты давай... Последний вариант может прокатить. На счет осведомителя, правда... Они же тоже люди... В общем, накручивай ему по-полной, а там посмотрим.

– Отлично, Максим. Мы его, пока, к тебе на базу, и за тобой вернемся.

В промышленном районе города в ночное время – ни машин, ни людей. Издалека были заметны три огонька сигарет в курилке возле одноэтажного здания. Фары осветили двух оперов с человеком в наручниках. Не выходя из машины, Запольский рассмотрел лицо задержанного.

– Твою мать! – Вырвалось у Макса.

– Что? – Насторожился старший лейтенант Донцов.

В задержанном капитан Запольский сразу узнал парня, с которым призывался в армию тринадцать лет тому назад. Впрочем, даже имени его Макс не помнил, потому, как парень служил в полковой разведке, а Запольский в отдельном батальоне связи той же Свирской воздушно-десантной дивизии. Только в карантине, до распределения в свои части, десяток земляков успели примелькаться лицами, в последствие же, лишь однажды, второго августа\* они пожали друг другу руки, в первый год после дембеля. Но, что-то мешало Максиму отнестись к сложившимся обстоятельствам хладнокровно...

– Что, ключи забыл? – Повторил Антон.

Макс делал вид, что ощупывает карманы...

– Все в порядке. Не выключай фары, пока я зайду.

– Сколько тебе надо на подготовку? – Спросил Донцов.

– Минут пятнадцать.

– Давай, развернусь, подсвечу. – Предложил старлей.

– Не надо.

Почти в полной темноте, Запольский открыл свою контору и отключил сигнализацию. Он не знал еще, что и как пойдет дальше этой ночью и писал тесты, постоянно прерываясь на размышления. Пресловутое десантное братство, в данном случае, не очень стесняло Макса; «он теперь просто бандит, а я – просто мент». – думал Запольский? Но что-то его все же стесняло... Он и раньше выделял это лицо среди своих земляков сослуживцев. Взгляд нестандартно мыслящего человека за мужественными скулами и накаченной фигурой выдавал не дворовое воспитание бывшего десантника. Где-то не доучился, где-то оступился, потом занесло не туда... Но перед Максом сейчас сядет не полный отморозок, каких развелось как мух на помойке, а человек со сложной, сломанной судьбой, который при определенных обстоятельствах мог бы быть его другом. И для него эта встреча тоже будет сюрпризом...

Когда завели задержанного, Максим сидел, сложив ладони и подперев подбородок, закрыв таким образом середину лица. Дождавшись, пока старший лейтенант Донцов выйдет, подмигнув ему на удачу, Макс закрыл дверь поплотнее и вернулся в кресло; подавать руку своему знакомому было бы не уместно... Парень напротив высоко поднял голову и в глазах застыла показная пустота. Короткая ухмылка... Если и можно было прочесть какие-то чувства во взгляде, то это деланное безразличие, и где-то совсем глубоко – сожаление.

Макс не старался скрыть возникшее неудобство, и, запнувшись пару раз, зачитал с листка:

– Бортников Сергей Валентинович. Ну, привет...

Тот молчал, только слегка кивнул головой. Макс продолжал:

– Запольский Максим Леонидович. Вот и познакомились... Тот случай, когда не скажешь – приятно познакомиться.

Сергей Бортников потирал руки, освобожденные от наручников и молча уставился себе в ноги.

– Я уточню некоторые моменты... – Продолжал Макс. – Где живешь?

– Бакунина, двадцать четыре. – Говорил тот, не поднимая взгляда.

– С кем живешь?

– С мамой.

«Не с мамашей, не с маманей и не с мамкой...» – Невольно отметил Макс.

– Закончил десять классов? Что еще?

– Музыкалку. – Грустно улыбнувшись, отвечал Бортников.

– Да-да... – Вздохнул Запольский. – А после армии?

– Физ. – Сухо отзывался парень.

– Институт физкультуры? Ну, да... Работал где?

Бортников немного приподнял голову...

– Это все обязательно? – тихо спросил он.

– В общем, достаточно. – Максим пожал плечами и говорил то, что не сказал бы в другом случае. – Дальше я хотел бы... немножко о себе... Я капитан милиции, хотя и не ношу формы, и являюсь, как видишь, оператором полиграфа. Могу утверждать, что делаю свое дело хорошо, поэтому и по ночам иногда приходится работать. Также, ты должен иметь ввиду мое профессиональное мнение... Что полиграф – это безотказное средство дознания, его невозможно обмануть, что бы и кто про это не говорил. Дальше... Если бы я отказался от этого сеанса, по причине нашего знакомства, то завтра тебя привели бы сюда к другому оператору, который так же сделал бы все возможное, чтобы узнать то, о чем его просят. – Максим сделал паузу... – Можем так и поступить...

– Зачем? – Спокойно отвечал Сергей. – Не надо завтра.

– Ты или ни в чем не виновен, или не понимаешь, куда лезешь. Я не собираюсь делать тебе какую-то скидку. Если бы и хотел – не имею такого опыта, в итоге это осложнило бы ситуацию. Имей в виду, что если то, в чем тебя подозревают, окажется правдой, а это вот-вот станет понятно, то тебе лучше поторопиться принять решение: садиться на полный срок, или на минимальный – за явку с повинной.

– Давай, давай... – Говорил Бортников, разводя руками, давая понять, что ему нечего бояться.

– Ну, хорошо! – Выдохнул Макс, вписывая фамилию обследуемого лица в бланк согласия на полиграфный опрос. – Тогда подписывай, и начнем. – Еще раз довожу до сведения, что если есть, что скрывать, то никакая сила духа и воли, как говорится, не спасут нас от неволи, так как детектору до лампочки все эти доблести; он – не пыточный станок. А теперь по существу... – Продолжая говорить, Запольский одевал на Бортникова датчики детектора. – Вопросы очень простые, а ответы еще проще. Да или Нет. Если что не понятно – заранее оговорим, чтобы стало понятным. Окей?

Бортников угукнул в ответ.

– Ты утверждаешь, что тебе не знакомы люди из группировки Сотника, что тебе не известно, кто из них пропал, когда и куда они подевались. Так?

– Понятия не имею.

– Отлично! Итак, я не стану спрашивать, причастен ты к чему-либо, или нет. Это бесполезная трата времени. Спать очень хочется... – Максим заканчивал подготовку, смазывая гелем палец пациента для датчика кожногальванической реакции. – В первом тесте я буду задавать вопросы о количестве пропавших. Двое, трое, четверо, или пятеро... Так как тебе не известно, сколько человек пропало, ты на все вопросы одинаково отвечаешь «нет».

– Почему «нет»? Я же не знаю...

– Хорошо... Отвечай на все вопросы «не знаю».

Покончив со всеми датчиками, Запольский задал еще несколько пространственных вопросов, и начал тестирование.

Сергей вел себя так, как-будто ему все равно. Или он и в самом деле не причастен к этому делу... «Что ж, все возможно... Буду этому рад». – Думал Макс... Только надежда быстро развеялась; первый тест явно показал знание Сергеем числа пропавших людей. «И что это значит? Вряд ли он на столько глуп в своей самоуверенности... Во что бы то ни стало казаться крутым? Держит лицо несгибаемого бойца?»

Следующим длинным тестом предъявлялись комбинации фамилий и кличек, среди которых назывались и пропавшие парни. Снова тот же результат. Сомнений у Макса почти не осталось. «Вернее всего, – думал он, – что Серега просто в ступоре. До самого суда он будет молчать до упора. И потом будет молчать. Молчать и думать: «я тут ни при чем, полиграф язык не развязывает, достает прямо из мозгов, так, что с меня взять; я честный бандюган.»

– Ну, что, Серега! Еще один тест, потом перекур? – Обратился Макс к Бортникову.

– Ну, что там? – Кивнул Бортников в сторону ноутбука детектора.

– Что, что? То, на что ты согласился. Хочешь точнее? Вот, закончим первую часть – скажу точнее. Окей?

– Окей. – Угрюмо согласился Сергей.

Серию поисковых тестов до намеченного перерыва завершал перечень возможных способов захоронения трех людей криминального авторитета Малька. Макс не стал терять время на выяснение способа убийства; все они друг в друга стреляют, никак настроиться не могут. Важнее – что произошло потом... А потом убитых могли закопать, утопить, сжечь, залить бетоном, бросить под пол в труднодоступном месте... Пожалуй, для нескольких тел за раз это исчерпывающий список, применительно к реалиям сегодняшнего дня.

Как и предыдущие, тест предьявлялся с однократным повторением. Дважды детектор распознал достаточно выразительную реакцию на вариант «убитых закопали».

Сергей Бортников интуитивно понял, что Запольский правильно распознал все его «не знаю» и больше не интересовался итогами тестирования. Обследуемый выпил предложенный кофе почти залпом и откинулся в кресле, как-будто, забыться сном. Намерение его выглядело странным, но убедительным, он честно отработал три теста и дальше не был намерен сопротивляться.

Антон, сидя с чашкой кофе рядом с Максом, объяснялся с ним знаками и кивками головы, показывая на мониторе на отдельные строчки с вопросами и линии графиков.

– Давай выйдем. – Предложил Максим. – Посади, пока, сюда кого-нибудь из своих.

На маленькой кухне казенного заведения Макс изложил Антону по порядку все факты...

– Мы с Бортниковым служили вместе.

– Опа-на! Почему сразу не сказал? – Удивился старлей.

– Не знаю... Считаю, что решил облегчить тебе жизнь.

– Окей, зачтено. Значит, сдал корефана? Ну? – Антон насторожился, ожидая новых идей Макса в связи с открывшимся обстоятельством.

«Сдал корефана» чувствительно укололо, Макс сделал долгую паузу, чтобы проглотить чувство вины и злости на Антона.

– Скажем, это наше с ним общее решение... Смотри: при таком раскладе можно вычислить все до конца, то есть найти то, что мы ищем, как вещественные доказательства. Но, на это нужно время. На такое тестирование может уйти еще часа два, а то и больше... Так что, опрос нужно переносить на завтра.

– Ну-ну? – Антон покачивал в раздумье головой.

– То, что я согласился на эту авантюру, можно отнести на неотложные обстоятельства, но в дальнейшем предлагаю или передать опрос Оксанке, или выдергивай кого-то кроме Борты. И мне проще, и все по-честному, и для убедительности – показания еще одного человека...

– Кого выдергивать? Какая Оксанка? – Антон туго соображал в третьем часу невеселой ночи.

– Вот-вот! – Макс похлопал пошатывающегося приятеля по плечу. – И по домам уже всем пора... Оксана Басова! Все та же! Оператор полиграфа, коллега моя. Ау! Не спи, замерзнешь! Но, лучше было бы выцепить кого-то из компании Бортникова. Тогда я сам их докручу. Ты же говорил, что они вчетвером были.

– Я говорил, да?

– Короче, давай, выспайся и тащи следующего, пока Борт в камере. Могу обещать результат.

– Какой? – Переспрашивал зевающий старлей.

– Результативный результат, Антон. Положительный. Со всем, что тебе за это полагается.

– Ну, давай! – Спихнулся Антон. – Можно завтра захомутать еще одного.

Еще на пару слов Макс решил остаться с Бортниковым наедине.

– Передохнул? Продолжим?

В знак согласия Сергей пожал плечами.

– Серег, ты вообще, что планируешь?

– В смысле? – Не понял Бортников.

– Ну, сейчас отмолчишься, потом отсидишь срок, а дальше? Все с чистого листа, или опять в бой?

– Какой бой? Простая работа...

– Значит, в строй? За бугра в огонь и в воду?

– На долго не сяду... Не за что... Потом видно будет. – Отвечал Бортников многозначительно.

Макс удовлетворенно выдохнул.

– Я это к чему... Если, действительно, на долго не за что, будь осторожен... Просто отмолчаться – не достаточно. Отмежеваться по-тихому не получится. Не получается ни у кого. Лучше меня знаешь, сколько таких как ты орлов покоится на обочинах нашей необъятной... В любом случае, тюрьма, или даже пара месяцев в сизо – это определенный рубеж. «До» и «после» могут быть совершенно разными.

Сергей нервно осмотрелся, будто выбирая, куда сплюнуть...

– А тебе не пофиг?

Извини! – Макс поднял обе ладони вверх – Не мое дело. Но, кое в чем я тебе даже завидую... Правда. Я, к примеру, не оканчивал музыкальную школу... А так хочется порой сесть за пианино, аж зубы сводит. Ладно, разговаривать нам в самом деле не о чем... И вообще, на сегодня хватит с тебя. – Закончил Запольский. – А завтра – что бог пошлет.

«Какого лешего!» – Злился Макс на самого себя. Ситуация лишний раз навязывала ему вопрос о том, действительно ли он соответствует занимаемому месту? Может быть Бабаев прав и стоит уступить кому-то более подходящему?

...И снова загадочные видения наполнялись странной куралесицей. Запольскому снился актовый зал с детства знакомой школы; на сцене за пианино сидел некто в концертном костюме, несколько школьников с родителями собрались в очередь подле пианиста, мамы жаждали заполучить маэстро в учителя их чадам. Музыка завораживала. Максим не верил своим глазам, со спины ему казалось, что за инструментом творит волшебство сам Эйнауди. Макс подходил все ближе, и когда совсем приблизился, музыкант вдруг повернулся. Маэстро оказался Сергеем Бортниковым. «А ты, мальчик с кем пришел?» – просто спросил он у Максима. Тот в ответ так напрягся, что от натуги проснулся. В сознании продолжала звучать ночная мелодия, но холодная испарина на кромке волос подчеркивала неоднозначность сна и коварность Морфея. Что-то такое, важное, он постоянно подсказывал Запольскому своими метаморфозами.

## 5.

Донцов прогремел в начале восьмого утра:

– Максим, не получается, как мы задумали...

– Ты спать то ложился, дорогой человек? – Макс не то, чтобы не ожидал раннего звонка Антона, но... Признаки бешенства уже зарождались в подсознании полиграфолога. Бесило впечатление, что он работает не в УОТМ, а в каком-то особом неспящем спецподразделении под руководством старшего лейтенанта Донцова...

– Все нормально... – Отвечал Антон. – Короче... Сотника гэбэшники взяли. Наверное, под папу его копают, зама губернаторского... Бойцы Сотника залегли все, никого пока не найти. Времени нет, надо сейчас Борту добивать.

– Черт!

– Максим, я написал задание для Басовой... Тебе, по-моему, не комильфо с этим кадром... У меня к тебе просьба... Возьми, пожалуйста, под контроль.

– Ладно ... – Отвечал Макс.

– Я Оксану уже разбудил, все объяснил, сказал, что у тебя есть план опроса, но, что в связи с обстоятельствами... Короче, что ты можешь только помочь по ходу дела... Она будет в управе в десять, попросила туда Борту привезти. Ну, я думаю, какая разница... Ты где и когда будешь?

– Ну, давай, – соображал Запольский, окончательно просыпаясь, – я тоже в десять.

\*\*\*

Не успел Запольский войти в коридор управления оперативно-технических мероприятий, как из ближайшей открытой двери прогремел голос кадровика:

– Здорова! Макс, топай прямо к шефу! Велено доставить живого или мертвого.

– И тебе не хворать! – Отвечал Макс.

«Должно быть, охрана доложила, что ночью база открывалась... – подумал Запольский, – опять оправдываться!»

– Проходи, не бойся! – прогремел начальник навстречу заходящему капитану.

– Есть чего бояться? – Вместо доклада отвечал Максим.

– Бояться надо всегда. – Посмеивался Бабаев. – Здоровее будешь!

– Есть бояться, товарищ подполковник!

– Шутишь? Молодец. Знакомься. – Сказал начальник подразделения, указывая на вставшего со стула человека в форме.

Кроме начальника УОТМ Бабаева, никто в секретном подразделении не носил формы. Погоны торжественно вручались на общем собрании и, как правило, навсегда исчезали где-то в сейфах отдела кадров. Лишь однажды, обычно – в ближайшие к торжеству выходные, их доставали, чтобы снять и обмыть в граненом стакане с водкой звездочки. После осушения стакана тостуемый, с несколькими колючими звездочками во рту, рискуя нешуточно подавиться, докладывал собравшемуся и веселящемуся за столом коллективу о получении нового звания, за тем, омытые зельем, они снова оказывались на пагонах в конторском сейфе.

Человек в форме подполковника протягивал руку, улыбаясь не по чину застенчиво; было очевидно, что отставного пенсионера пригрели, как и всех остальных, по знакомству в дружной, со сложными связями семье.

– Николай Иванович. – Представился седовласый отставник. – Можно просто – Иваныч. Будем работать... вместе...

– Николай Иванович Утюгов опытный офицер, – вмешался Бабаев, – за плечами двадцать лет службы в УИН. Со мной знаком около десяти лет, я лично рекомендовал Николаю Ивановичу возглавить подразделение полиграфных исследований. Николай Иванович, с вопросом по существу ознакомились?

– Ну, вот, – подполковник взял со стола брошюру и похлопал ей по другой ладони, – штудирую...

– Да! – Перебил Бабаев. – У товарища подполковника было время изучить основные моменты касательно полиграфных исследований, остальное – по ходу разберется. Препрежних твоих помощников отрывать от их непосредственных должностных обязанностей больше не будем, а Николай Иванович не голубых кровей, и помочь с подготовкой опроса, и за отчет-

ностью проследить... Ну, и, вообще, пора, придать поболее, так сказать, рационализма всему там у вас происходящему.

Запольский понимающе кивал, состроив до предела серьезную физиономию.

Подозревая иронию в молчании Макса, Бабаев выговаривал, повернувшись к капитану, глядя ему в ботинки:

– Пора кончать со всякого рода самодеятельностью! Правильно я говорю?

– Раз Родина приказывает, будем исполнять! – Утвердительно вставил Утюгов.

И Запольский, и командир обратили взоры на Николая Ивановича, ожидая, что еще что-то последует от пожилого новобранца, но тот лишь мило улыбался, глядя на них поверх очков. Макс показалось, что в завершении сказанного не хватает решительного удара по столу и он от души махнул кулаком в воздухе, еще раз одобрительно кивнув.

– Максим... – Бабаев подошел к Максy вплотную. – Если есть возражения, попрошу мне на стол в письменном виде, а сейчас – кругом марш и – свободен. И, пока здесь, свой личный план работы Николаю Ивановичу дай.

Найдя безлюдное помещение, Запольский настроил для еще одного нового начальника примерный план работы подразделения на ближайшие дни и сразу преступил к наброскам продолжения тестирования Бортникова. Краем глаза Макс не без умиления наблюдал, как ново-явленный куратор обхаживал одну из своих новых подопечных – Оксану Басову, выдавая себя за равнозначного в своей компетенции специалиста.

– ...Может показаться, – рассуждал он широко жестикулируя, – что какие-то необходимые мелочи вовсе не обязательны, но потому они и называются необходимыми, что мы не имеем права от них отказываться... К примеру, как можно проводить опрос без записи на видеокамеру?

Очевидно, Утюгов намеревался затянуть надолго изложение своего взгляда о важности видеофиксации процесса опроса. Расставляя ударения на таких словах, как «обязательно», «непременно», или «архиважно», он походил на вожака революционного движения в беседе с молодой комиссаршей. Но, всякий раз, дотрагиваясь скрюченным пальчиком до блестящей пуговицы блузки Оксаны, он выглядел слишком комично и навязчиво, чтобы она могла продолжать его терпеть.

– Николай Иванович, у меня опрос через полчаса... А видеокамера у нас одна на всех...

– У нас опрос, Оксана, у нас! – Не унимался Утюгов.

– Оксан, подойди, посмотри. – Пришел Запольский на помощь старшему лейтенанту Донцовой. – Исходя из того, что мы имеем по данному клиенту, вот такой расклад на начало... Конечно, смотри по ходу сама, тебе на месте будет виднее, но, мне кажется, этих двух тестов, пока, достаточно, а дальше будем смотреть...

– Позвольте, я взгляну? – Вмешался Утюгов и взял исписанные ровными строчками два листка со стола.

Пока куратор изучал небогатый тестовый материал предстоящего опроса, Макс с Оксаной договорились, что будут связываться в течение дня и обговаривать каждый новый тест.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.